

ГЕНДЕР И СЕМЬЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.13

Правильная ссылка на статью:

Борисова О. Н. Отцовская вовлеченность: индивидуальные и межстрановые различия // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 260—283. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.13.

For citation:

Borisova O. N. Father's involvement: individual and cross-country differences. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 6. P. 260—283. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.13.

О. Н. Борисова ОТЦОВСКАЯ ВОВЛЕЧЕННОСТЬ: ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ И МЕЖСТРАНОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ

ОТЦОВСКАЯ ВОВЛЕЧЕННОСТЬ: ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ И МЕЖСТРАНОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ

FATHER'S INVOLVEMENT: INDIVIDUAL AND CROSS-COUNTRY DIFFERENCES

БОРИСОВА Ольга Николаевна* — выпускница магистратуры факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), сотрудник лаборатории «Социология религии» Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ), г. Москва, Россия.

E-MAIL: litvina-borisova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2804-5951

*Olga N. Borisova*¹ — MA in Sociology, Researcher
E-MAIL: litvina-borisova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2804-5951

Аннотация. Автор фокусируется на одном из измерений отцовства — участии мужчины в уходе за детьми. Цель заключалась в выявлении детерминант вовлеченности на двух уровнях.

* Победитель конкурса ВЦИОМ в номинации «Лучшая дипломная работа магистра». Научный руководитель Павлюткин Иван Владимирович. Подробнее о конкурсе читайте здесь: https://konkurs.wciom.ru/proektykonkursy/konkurs_diplomov/arkhiv_s_2013_goda/konkurs_diplomov_2017/.

¹ «Sociology of Religion» Laboratory, Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Moscow, Russia

Abstract. The research investigates male involvement in childcare as a dimension of fatherhood. The study provides a two-level analysis of determinants and considers structural characteristics, individual's value orientations and institutional indicators of the environment and their impact on father involvement. The hierarchical linear modeling is applied to evaluate how individual and institu-

Оценивались структурные характеристики, ценностные ориентации индивида, а также институциональные показатели среды и их роль в объяснении уровня отцовской вовлеченности. Применение многоуровневой регрессии позволило одновременно учесть эффект как индивидуальных характеристик, так и макроконтекста. Эмпирической базой исследования стали данные ISSP-2012 по 26 странам.

В результате показано, что отцовская вовлеченность различается в зависимости и от структурных, и от ценностных детерминант обоих уровней. На индивидуальном уровне значимое влияние оказывают переменные, отражающие распределение ролей внутри домохозяйства — вклад женщины в уход за детьми и выполнение домашнего труда, ее занятость на рынке труда, а также степень мужского участия в обеих сферах. Между тем, религиозность мужчины и положительное отношение к женской занятости способны повышать его вовлеченность в уход за детьми. На страновом уровне свое применение оправдала модифицированная типология государств всеобщего благосостояния. Значимый эффект показали два режима: либеральный (вовлеченность выше) и восточноевропейский (вовлеченность ниже). Другие переменные, отражающие межстрановые различия, тоже дифференцируют степень отцовской вовлеченности. Так, высокий уровень женской занятости соответствует более высоким показателям вовлеченности, а распространность традиционализма взглядов в стране резко снижает это участие.

Таким образом, различия в вовлеченности отцов могут быть объясне-

tional factors and macro context affect the variability in father involvement. The empirical basis for the research is the ISSP-2012 data across 26 countries.

The study shows that father involvement is dependent on structural and value determinants at both levels. At the individual level, variables describing division of household responsibilities (woman's contribution to childcare and house chores, woman's employment and the level of man's participation in both areas) exert a strong influence. Meanwhile, individual's religiosity and positive perception of female employment can increase male involvement in childcare. At cross-country level, a modified Esping-Andersen's typology of welfare states proves its relevance. Simultaneously two regime types have significant effect: liberal regime (higher involvement) and East-European regime (lower involvement). A number of other contextual indicators reflecting the country differences can also differentiate levels of father involvement. Specifically, high female employment corresponds to higher involvement levels, and prevalence of traditional beliefs drastically reduces the levels.

All in all, differences of father involvement might be gender-neutral; in this respect, institutional regimes have a potential to overcome father involvement constraints. At the same time, only transformation of the dominant settings related to gender roles can change the situation. Nevertheless, gender attitudes and orientations have a potential to change the situation.

ны в гендерно нейтральной логике, и в этом плане институциональные режимы обладают потенциалом в преодолении ограничений отцовской вовлеченности. В то же время изменение сложившегося положения возможно только в ситуации трансформации доминирующих установок относительно распределения ролей.

Ключевые слова: отцовство, вовлеченное отцовство, детерминанты отцовства, семья, социальная политика, межстрановой анализ, многоуровневая регрессия

Keywords: fatherhood, fathering, determinants of father involvement, family, social policy, hierarchical linear modeling

Введение

Современные исследования показывают, что модели отцовской вовлеченности — участия мужчины в делах семьи, и в частности, в заботе о детях — заметно различаются не только между социальными группами, но и между странами [Gregory, Milner, 2008; Hook, 2006]. Отцовская вовлеченность зависит как от распространенных в обществе взглядов и собственных установок мужчины, так и «от реальных возможностей ее исполнения, включая ситуацию на рынке труда» [Рождественская, 2010: 79], а также от характера социальной политики. Например, в таких странах, как Швеция и Норвегия, отцы наравне с матерями обеспечиваются государственной поддержкой в виде отпусков и бонусов на работе, благодаря чему демонстрируют достаточно высокие показатели участия в жизни семьи и детей, воплощая собой идеалы гендерного равенства. С другой стороны, в других странах (Германия, Австрия) распространены представления о традиционной роли мужчин, из-за чего отцы получают значительно меньше социальной поддержки.

Исследователи спорят: кто-то говорит о принципиальной важности индивидуальных факторов в формировании различий уровня вовлеченности — социально-экономического положения конкретной семьи, особенностей занятости, а также разделяемых ценностей [King, 2003; McGill, 2014], другие настаивают на влиянии институциональных факторов — лояльности среды и адекватной социальной политики [Lewis, 1992; Gregory, Milner, 2008]. В нашей работе мы хотим внести ясность в вопрос об определяющих факторах и с помощью применения многоуровневой регрессионной модели оценить одновременно детерминанты как индивидуального, так и странового уровня.

Интерес к данной теме обуславливается следующими причинами. Во-первых, значительное увеличение уровня занятости женщин в развитых странах, рост числа разводов, снижение рождаемости и формирование новых типов семей приводят к переосмыслению самой модели и сущности семейных отношений.

В частности, переход к гендерному равноправию и постепенное вытеснение модели семьи с мужчиной-кормильцем, простимулированное активным выходом женщин на рынок труда, ставит вопрос относительно распределения семейных ролей. Поскольку обеспечение семьи перестает быть уникальной функцией мужчины и, соответственно, увеличивается время, затрачиваемое женщиной на выполнение домашних обязанностей, ожидается, что на мужчину ляжет часть функций по ведению хозяйства и воспитанию детей. Иными словами, возникает общественный запрос на вовлеченность отца в удовлетворение внутренних потребностей семьи. Более того, в свете идеалов гендерного равенства, декларируемых рядом европейских стран, и общего дискурса о кризисе отцовства, наряду с акцентированием позитивной роли отца в развитии ребенка, разговор о вовлеченности мужчины в семейную жизнь становится как никогда актуальным.

Во-вторых, на данный момент есть многочисленные исследования, призванные оценить отцовскую вовлеченность на примере кейсов отдельных стран. При этом до сегодняшнего дня не так часто предпринимались попытки выстроить единую модель, учитывающую влияние разнообразных факторов [Fuwa, 2004; Hook, 2006].

Сразу заметим, что само по себе измерение отцовства является одним из сложных моментов в общей канве исследований. Отцовская вовлеченность — неоднозначное понятие, поскольку в него включается целый спектр смыслов и практик. Сюда попадает как воспитание детей, уход за ними, игра, совместное времяпрепровождение, так и косвенные проявления отцовства — забота о материальном благополучии ребенка и семьи, а также символические выражения отцовской роли. Именно способ интерпретации отцовской вовлеченности определяет дальнейшую стратегию исследования.

В данной работе отцовскую вовлеченность мы определяем как количество времени, затраченное мужчиной на уход за детьми и другими зависимыми членами семьи¹. То есть, мы постарались отделить отцовскую вовлеченность от участия в домашнем труде, которое подразумевает выполнение домашних обязанностей, и противостоит занятости в сфере рынка труда. Признаем, что такая узкая формулировка является одним из ограничений нашей работы, поскольку не учитывает качественной составляющей отцовского участия. Помимо этого, мы рассматриваем именно абсолютные временные значения, а не относительные, поскольку показатель доли сглаживает эффект контекстуальных факторов, оказывающих влияние одновременно на мужское и женское время.

Теоретическая основа исследования

Как показывают российские и зарубежные исследования, мужчины в сравнении с женщинами крайне мало времени тратят на домашние дела и уход за детьми [LaRossa, 1988; Радаев, Барсукова, 2000; Рощина, Нагерняк, 2013]. С другой стороны, роль добытчика остается значимой для мужчин в определении своего собственного положения [Thébaud, 2010; Кон, 2006]. Социальные иссле-

¹ В данном случае формулировка «...и другими (зависимыми) членами семьи — престарелыми родственниками, больными/инвалидами» обусловлена особенностями используемой для расчетов базы данных. Понятно, что в таком случае, есть смещение данных в сторону увеличения времени. Тем не менее мы пренебрегаем данным обстоятельством и полагаем, что для семей с детьми (которые являются объектом нашего исследования) в большинстве случаев актуален именно уход за детьми.

дователи и теоретики несколько раз пытались объяснить сохранение подобного соотношения.

Ресурсный подход

В этих теориях семья представляется как площадка конкурентности и рыночной справедливости. В соответствии с данными принципами выстраиваются внутрисемейные отношения, так что вовлеченность отцов напрямую зависит от имеющихся социально-экономических ресурсов каждого из партнеров. Например, гипотеза относительных ресурсов и сравнительной власти супругов строится на предпосылке о низком статусе домашнего труда и его выполнении по остаточному принципу. Так, на долю супруга, обладающего большим объемом ресурсов — денежным, образовательным капиталом, профессиональным статусом, — выпадает меньше работы в рамках домашнего хозяйства [Shelton, John, 1996]. Модель экономической зависимости предполагает, что «домашний труд выполняется в обмен на экономическую поддержку» [Брайнс, 2002: 347]. В модели же специализации, основывающейся на рационализации индивидами собственной деятельности внутри домохозяйства, распределение происходит по принципу максимизации общей полезности. Каждый из супругов выполняет наиболее «выгодную» деятельность либо согласно своему человеческому капиталу, либо в соответствии с распространенными в культуре гендерными представлениями о разделении труда [Becker, 2009].

Теория соотношения ресурсов и потребностей [Bakker, Demerouti, 2007] дает несколько иной ответ на причины различий. Количество часов работы и график работы определяют объем доступного времени для выполнения семейных обязанностей [Craig et al., 2012; Presser, 1994]. Занятость жены, возможность получения помощи от родственников, наличие детей, — являются теми «потребностями», которые влияют на степень вовлеченности. Их соотношением и определяется вовлеченность.

Некоторые исследователи утверждают, что вовлеченность различается в зависимости от классовой принадлежности и социально-экономических параметров, поскольку они формируют взгляды и установки, а также обуславливают характер распределения времени между семьей и работой. Так, отмечаются различия между классами в восприятии материнской занятости [Morgan, 2009]: рабочий класс чаще придерживается традиционных взглядов, чем средний класс и «белые воротнички». Также наблюдается рост вовлеченности более образованных отцов в странах с низкой рождаемостью, что может быть результатом распространения эгалитарных гендерных установок в соответствующих слоях населения [Sullivan et al., 2014]. Помимо этого, уровень отцовской вовлеченности могут обуславливать объективные показатели — например, когда необходимость дополнительного заработка не оставляет времени для занятий с детьми.

Таким образом, мы можем сформулировать первые гипотезы нашего исследования.

H1. Вовлеченность отцов будет выше для мужчин с большим количеством детей, имеющих меньшую занятость на рынке труда.

H2. Участие в уходе за детьми будет выше для мужчин со сравнительно низким уровнем дохода (относительно супруги).

Гендерные теории

В следующих теориях развивается гендерный подход к домашнему труду в целом и уходу за детьми, в частности.

Внутри семьи происходит разделение видов домашнего труда. Даже в ситуации значительной вовлеченности мужчины в семейные дела его участие обычно сводится к определенным видам деятельности [Blair, Lichter, 1991]. Уход за детьми также рассматривается как гендерно не нейтральный тип деятельности. Очевидно, что, в отличие от предыдущих теорий, детерминанты вовлеченности мужчин и женщин будут различаться. При анализе мужчин обыкновенно исследования направлены на прояснение причин их невовлеченности. Здесь можно отметить влияние концепции Т. Парсонса, в основе которой лежит идея о разделении сфер «ответственности» мужчины и женщины. Так, на женщину обычно возлагается труд по воспитанию детей и выполнению домашних обязанностей. Мужчина же выступает посредником между семьей и окружающей средой и выполняет инструментальную функцию — обеспечения семьи [Parsons, Bales, 1955]. Оспаривание и преодоление такого положения дел стало своеобразной целью множества исследований внутрисемейного разделения труда. С точки зрения теории гендерной ролевой идеологии [Blair, Johnson, 1992], равномерное распределение домашних обязанностей и меньшие показатели объема мужской занятости характерны для пар с эгалитарными установками [McGill, 2014; Kaufman, Uhlenberg, 2000], обретенными в результате социализации в основных общественных институтах. Таким образом, гендерные установки способны смягчать действие структурных характеристик, связанных с распределением времени на семью и на работу.

Теория конструирования гендерной идентичности напрямую затрагивает символическое содержание домашнего труда. В условиях, когда занятость на рынке труда является одним из атрибутов маскулинности и отсутствуют позитивные модели проявлений маскулинности через отцовство, домашний труд становится своеобразным способом производства, демонстрации и воспроизводства гендерной идентичности. Д. Брайнс предлагает рассматривать разделение труда как элемент гендерного дисплея, «фундамент, поддерживающий межличностное подтверждение гендерных статусов в браке» [Брайнс, 2002]. Поэтому, когда домашний труд оказывается за рамками спектра конвенциональных проявлений мужского в культуре, не стоит ожидать осуществления мужчинами данных практик. Более того, если мужчине, в силу тех или иных обстоятельств, не удастся реализовать маскулинный дисплей, он будет компенсировать его через невыполнение деятельности, характерной для противоположного дисплея. Это может не только приводить к увеличению разрыва в выполнении домашнего труда супругами, но и способствовать росту внутрисемейной напряженности, в том числе приводить к разводу. В итоге уровень взаимодействия отца с ребенком оказывается напрямую связан с его успехом или восприятием своего успеха в роли кормильца [Doherty et al., 1998]. Невозможность проявить себя на рынке труда (например, в период безработицы) проявляется в снижении активности при выполнении домашних обязанностей. Интересно, что снижение отцовского участия может также быть обусловлено желанием женщины защитить свою гендерную идентичность, поскольку домашний труд и уход за детьми участвуют в ее производстве [West, Zimmerman, 1987]. Таким образом, она будет

выступать семейным «гейткипером», ограничивая вторжение мужчины в сферу своей ответственности [Allen, Hawkins, 1999].

На основании данных теорий третья и четвертая гипотезы формулируются так:

Н3. Отцовская вовлеченность выше у мужчин с более выраженными эгалитарными представлениями о распределении гендерных ролей.

Н4. В семьях, где ответственность за решения относительно воспитания детей лежит только на женщине, отцовская вовлеченность будет ниже.

Отцовство через призму институционального контекста

При разговоре об отцовстве нельзя недооценивать влияние и более общего социального контекста, в котором протекает семейная жизнь. Он выступает не просто некоторой рамкой, через которую осмысляются и реализуются практики индивидов, но также и сам способен опосредовать влияние индивидуальных факторов на эти самые практики. Контекст является результатом как реализуемых государством мер социальной политики, так и сложившихся исторически условий, традиций, паттернов приемлемого поведения.

В ряде случаев контекстуальные факторы по своему влиянию могут превосходить эффекты индивидуальных различий. Например, уровень занятости в стране объясняет женскую вовлеченность в уход за детьми и пожилыми лучше, чем индивидуальная приверженность определенной гендерной идеологии, опыт социализации и пр. [Gerstel, Gallagher, 1994]. Тем не менее влияние женской занятости на мужское участие в семье опосредуется и рядом других факторов, связанных в том числе с конкретными мерами социальной политики. В частности, наличие альтернативных внешних агентов ухода — развитость сети дошкольных организаций в стране — делает снижает эффект роста женской занятости и сокращает по сути «вынужденную» вовлеченность мужчины [Windebank, 2001]. Так, в восточноевропейских странах высокий уровень женской занятости поддерживается соответствующими мерами государственного стимулирования, что никак не влияет на традиционное разделение ролей в области домашнего труда.

Кроме того, макрообстановка напрямую влияет на соотношение ценностей и действий индивидов — будут ли ценности реализованы в конкретных практиках или они останутся лишь на уровне дискурса. Общий контекст формирует также и гендерную повестку, которая, в свою очередь, определяет как установки индивидов, так и насколько «выгодно» реализовывать ту или иную модель разделения труда в данных обстоятельствах. Например, рост уровня женской занятости способствует более выраженной эгалитарной социализации детей, формированию у них установок на равное разделение труда [Hook, 2006].

Кроме того, уровень вовлеченности варьируется в разрезе стран, поскольку со стороны государства задается определенная доминирующая модель отцовства, а также проводятся меры по стимулированию или ограничению деятельности индивидов.

Государственная социальная политика выступает значимым фактором при распределении супругами времени между семьей и работой. Вслед за Г. Эспинг-Андерсеном [Esping-Andersen, 1990], обычно выделяют 3+1 типа социальных политик государств благосостояния, для каждого из которых характерны своя модель отцовства и методы ее формирования: социально-демократический

(Швеция, Норвегия), консервативно-корпоративистский (Германия, Италия), либеральный (США и Великобритания), а также фамилистический (характерный для стран Средиземноморья). Так, первому типу соответствуют всеобщая поддержка и полное финансовое обеспечение семей и индивидов со стороны государства (отпуска по уходу за детьми, поддержка занятости женщин), основанные на принципах универсального предоставления помощи. Второй тип предполагает адресный принцип распределения помощи в соответствии с критерием нуждаемости — система социального страхования обеспечивает щедрые трансферты и выплаты, которые, однако, привязаны к социальному статусу. Третий тип характеризуется лишь незначительной поддержкой, и переносом ответственности на рыночные механизмы. Четвертый тип отличается особым акцентом на значимости семьи и ее высокой ценности в обществе — развитой системой государственных учреждений, ориентированных на семью. Отдельно также некоторые авторы выделяют социальный режим, характерный для стран Восточной Европы [Reeskens, Oorschot, 2013].

Конечно, данная классификация неоднократно подвергалась критике и в ответ социальными учеными предлагались иные классификации. Например, Д. Льюис составила типологию режимов по характеру соотношения оплачиваемого и неоплачиваемого (домашнего) труда, выделяя государства со слабой (Швеция), модифицированной (Франция) и сильной (Ирландия, Британия) поддержкой идеологии добытчика [Lewis, 1992]. Д. Сейнсбери же выделяет такие режимы гендерной политики, как: режим отца-кормильца, режим гендерных ролей и режим двойной зарплаты и заботы (цит. по [Липасова, 2016]), которые соответствуют различным принципам соотношения полов на уровне социальной политики — распределения прав, поддержки равенства и пр.

Важно также заметить, что государство не только поддерживает семьи, но в определенной степени и конкурирует с ними, поскольку усиление семейных связей снижает лояльность семей по отношению к государству [Alesina, Giuliano, 2014]. В частности, иногда государство полностью подменяет собой роль отца, вытесняя его из семьи, как это произошло, например, в Швеции [Карлсон, 2009] или в Советской России [Чернова, 2007]. Более того, государственная политика СССР породила уникальную модель «советского отцовства» [Чернова, 2007], она сочетала в себе патриархальную риторику и отсутствие структурных возможностей для ее воплощения в жизнь, а также строилась на альянсе государства и женщины и тем самым полностью маргинализировала фигуру отца в частной сфере.

Мы формулируем пятую гипотезу исследования:

Н5. Страны с выраженным типом просемейной государственной политики будут характеризоваться большей степенью отцовской вовлеченности. В частности, в странах социально-демократического типа вовлеченность отцов в уход за детьми будет значительно выше по сравнению с другими режимами.

Как религия влияет на отцовство

Несмотря на то, что долгое время исследователи детерминант отцовского участия игнорировали роль религии, религия/религиозность является одной из латентных переменных, объясняющих распределение политических сил и конституцию тех или иных норм отцовства, а также способных сильно продвинуть

содержательное понимание факторов исследуемого феномена. Особенно важно, что влияние религии можно оценить через несколько направлений, поскольку эффекты проявляются одновременно как на индивидуальном, так и на институциональном уровне.

На уровне индивидов религия задает общие ценностные установки и определяет различия в базовых ценностях [Пруцкова, 2014]. Более того, религиозные традиции выступают источником идеальных представлений о семье и гендерных нормах [Ammons, Edgell, 2007]. Тем не менее неизменно встает вопрос об актуальном соотношении ценностей и реальных практик. Иными словами, важно понять, в какой степени ценности, прививаемые религией — о первичности семьи, важности поддержания отношений, — реализуются в конкретных действиях. Например, широко известен факт выраженности ценности семьи среди россиян — при одновременной слабости самого института. Показательно также, что индивиды способны адаптировать свои установки, исходя из практических соображений [Gallagher, Smith, 1999]. На примере протестантов было показано, как риторика традиционных установок относительно занятости женщины и разделения труда (как отличительная черта сообщества) сочеталась с эгалитарными практиками внутри семьи. Вместе с тем отмечалась более активная вовлеченность религиозных (по аффилиации и по участию в общине) мужчин в совместную деятельность с детьми — опосредующими факторами становятся как раз качество брака и традиционные установки [King, 2003]. Предполагается, что религиозные организации транслируют ценности семьи и в значительной степени способствуют перераспределению мужского времени от работы к семье [Ammons, Edgell, 2007; Wilcox et al., 2004]. В целом увеличение вовлеченности становится результатом действия не столько догматических представлений, сколько опосредующих эффектов, порождаемых религиозной социализацией и жизнью в общине.

Религия оказывает влияние также и на макроуровне. Например, характер взаимоотношений государства и религии в стране может способствовать формированию и поддержанию определенных гендерных идеологий [Morgan, 2009] и дальнейшей выработке соответствующих политических стратегий. В частности, различные модели взаимоотношения церкви и государства на этапе первичного формирования европейской социальной политики во многом определили дальнейшие политические траектории современных государств. Соотношение клерикальных и секулярных сил задали доминантные темы и фокус взгляда на них, сформировав и усилив основные различия между режимами. В одном из своих выступлений на конференции Алан Карлсон [Carlson, 2017] также утверждает, что продолжительное время догматическая и институциональная целостность религиозных организаций способствовала развитию института семьи, однако многочисленные нападки со стороны политических сил привели к деструктивным последствиям, хотя исходно степень интегрированности религии в жизнь общества определяла общий контекст соотношения семьи и занятости и доминирующих культурных представлений.

Таким образом, мы полагаем, что:

Н6. Вовлеченность отцов обусловлена как общим высоким уровнем религиозности в стране, так и высоким индивидуальным уровнем религиозности.

На основании рассмотренных исследований перечислим основные гипотезы нашего исследования:

Отцовская вовлеченность будет выше:

- у мужчин с большим количеством детей, а также меньшей занятостью на рынке труда;
- у мужчин со сравнительно низким (относительно супруги) уровнем дохода;
- у мужчин с эгалитарными установками;
- в семьях, где решения о воспитании детей лежат в сфере ответственности мужчины или обоих супругов;
- у религиозных мужчин;
- в странах социально-демократического режима;
- в странах с более высоким уровнем религиозности.

Методология исследования

Информационной базой исследования служит «Международная программа социальных исследований» (International Social Survey Program — 2012) с блоком «Семья и меняющиеся гендерные роли». Она включает данные, собранные по единому опроснику в 40 странах различных континентов. Исследование является репрезентативным для всего населения каждой изучаемой страны и соответствует их общей половозрастной структуре. Важно отметить, что на данный момент это единственная база, включающая множество показателей оценки семьи и гендерных установок и позволяющая проводить межстрановое сравнение. Более того, среди баз, представляющих данные по России, здесь есть возможность косвенной оценки различных типов мужской вовлеченности в семью.

В финальный анализ было включено 26 стран². Объектом исследования являются мужчины, состоящие в зарегистрированном или незарегистрированном браке и имеющие хотя бы одного ребенка в возрасте до 18 лет, ответившие на вопрос о своих временных затратах. Общее количество респондентов, удовлетворяющих данным условиям? варьируется по странам от 69 (Великобритания) до 220 (Бельгия).

Для того чтобы оценить основные детерминанты отцовского участия, нам было важно иметь возможность получить информацию как индивидуального уровня — о социально-демографических и экономических аспектах жизни индивидов, так и институционального уровня.

В основе анализа данных у нас находится построение многоуровневой регрессионной модели (HLM), которая позволяет оценить детерминанты двух уровней — индивидуального и странового [Woltman et al., 2012]. В качестве макропоказателей использованы обобщенные данные по стране (уровень религиозности, традиционность гендерных установок), полученные в результате агрегирования

² Мы сделали дополнительную подвыборку стран в связи с рядом методологических особенностей нашего исследования. Во-первых, для содержательной сопоставимости из анализа были исключены страны, имеющие принципиально отличающийся культурный контекст — религиозная конфессия, культурные ценности. Таким образом, в нашу работу не попали страны Азии, такие как Япония, Китай (имеющий сверхбольшую выборку), Южная Корея, Тайвань и др. Кроме этого, в базе на данный момент плохо представлена информация по Турции (в связи с особенностями сбора данных в этой стране), а также из анализа пришлось исключить Испанию, поскольку градация шкал по ряду вопросов, относящихся к гендерным установкам, несопоставима с другими странами.

и усреднения индивидуальных показателей для всего населения; а также данные международной статистики (уровень занятости женщин, характер семейной политики, охват детей дошкольными организациями и др.)³.

Многоуровневая регрессия позволяет преодолеть ряд ограничений обычной множественной регрессии в случае применения ее к дезагрегированным данным, таким как снижение стандартной ошибки в результате учета внутренней сгруппированности данных, применимость к переменным с гетерогенностью вариации и недостаточностью сферичности, применимость к анализу групп с разным размером выборки. Помимо этого, она предполагает возможность оценки эффектов взаимодействия переменных разных уровней.

Мы использовали метод оценки ограниченного максимального правдоподобия [Voedeker, 2017] в связи с небольшим количеством групп и выборкой внутри них. Более того, предварительное тестирование нескольких методов давало отличия в результатах, в связи с чем оправданным было применение именно указанного метода. Для вычисления и оценки коэффициентов использовались данные с робастными ошибками и стандартизованными коэффициентами, поскольку в нашем случае нарушается нормальность распределения зависимой переменной [Woltman et al., 2012].

В качестве независимых переменных индивидуального уровня рассматриваются параметры, относящиеся к положению индивида на рынке труда (занятость, образование, доход, характеристики супруги), семейные характеристики (количество детей, возраст детей, статус и продолжительность брака, наличие других взрослых членов семьи), а также установки и ценности индивида (установки по отношению к разделению ролей, религиозность, ценность работы) (см. Приложение 1).

Зависимой переменной является отцовская вовлеченность, измеренная в абсолютном количестве часов в неделю, затраченных на уход за детьми (и другими зависимыми членами семьи).

В результате проведения анализа проверим сформулированные выше гипотезы о влиянии различных факторов на уровень отцовской вовлеченности.

Основные результаты

Основной переменной в исследовании были затраты времени на уход за детьми и другими членами семьи в часах в неделю (ответ дали 3145 респондентов). Через эту переменную мы попытаемся оценить уровень отцовской вовлеченности.

Среднее время, затрачиваемое отцами на выполнение данного вида деятельности, составляет 15,87 часов/неделю, при значительной вариации данного признака (стандартное отклонение = 15,47). По оценкам самих мужчин, их участие в уходе за детьми и домашнем труде намного уступает соответствующим показателям их супруг.

В большинстве семей работают оба супруга (67%), в 22% семей работает мужчина при незанятости женщин. В среднем мужчина работает 45,4 часа в неделю, что, вероятно, оказывает влияние на его активность внутри семьи. В то же время

³ Подробная информация об используемых данных представлена в Приложении 1.

выделяется несколько стран с высокой долей работающих женщин при незанятых мужчинах — Хорватия, Канада, Ирландия.

Мы наблюдаем значимые различия в среднем уровне отцовской вовлеченности между странами. Применение дисперсионного анализа и робастных тестов отвергает гипотезу о равенстве средних (см. Приложение 3). Таким образом, можно говорить о наличии значимых различий в уровне отцовской вовлеченности между странами.

Несмотря на то, что по уровню вовлеченности в уход и заботу за детьми отцы в целом значительно уступают матерям, тем не менее разница в показателях варьируется в зависимости от страны. В среднем наиболее вовлечены мужчины в США — 27 часов в неделю, наименее вовлечены отцы в России (8 часов в неделю) и Чехии (10 часов в неделю). При этом именно для России, наряду с Австрией, характерен наибольший разрыв в вовлеченности матерей и отцов. Важно отметить, что показатель материнской вовлеченности в России также один из самых низких.

Поскольку в центре нашего исследования находится выявление детерминант вовлеченного отцовства, обратимся непосредственно к результатам регрессионного моделирования.

Применение многоуровневой регрессионной модели оправдано, когда есть значительная вариация между странами по рассматриваемому признаку. Поскольку межклассовый коэффициент корреляции (ICC) получился достаточно невысоким (всего 7,2%), это позволяет рассматривать наш случай как пограничный и воспользоваться на первом этапе построением обычной одноуровневой множественной регрессии с дезагрегированными данными. Тем не менее, принимая во внимание указанные ранее преимущества многоуровневого моделирования, мы решили остановить свой выбор на построении именно иерархической регрессии. Более того, значимость показателей хи-квадрат свидетельствуют в поддержку наличия вариации на межгрупповом уровне. Зависимой переменной в данном случае выступала отцовская вовлеченность в уход за детьми (и другими зависимыми членами семьи), измеренная субъективной оценкой индивидов своих фактических временных затрат. В качестве независимых переменных в модель были включены сначала переменные индивидуального уровня (структурные, ценностные, контрольные), а затем добавлялись переменные, относящиеся к страновому уровню. В итоге получились следующие результаты (см. табл. 1).

Мы видим, что построенная модель является хорошим показателем комплексности детерминант вовлеченного отцовства. В итоговом списке значимых предикторов оказались переменные как индивидуального, так и странового уровня⁴, что свидетельствует о возможности объяснения разного уровня отцовской вовлеченности не только личными характеристиками отцов, но и особенностями институционального контекста. Таким образом, модель подтверждает наши исходные предположения о необходимости обоих уровней анализа.

⁴ Полный список включенных в модель переменных представлен в Приложении 1

Таблица 1. Результаты многоуровневого регрессионного анализа для уровня отцовской вовлеченности

	Переменные	Модель 1
	Intercept	7,735***
ПЕРЕМЕННЫЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО УРОВНЯ	<i>Структурные характеристики</i>	
	Участие мужа в выполнении домашнего труда (часы/неделю)	0,330***
	Участие жены в выполнении домашнего труда (часы/неделю)	-0,108***
	Временные затраты жены на уход за детьми (часы/неделю)	0,447***
	Наличие в семье детей-дошкольников	0,541*
	Занятость мужа на рынке труда (часы/неделю)	-0,073***
	Занятость жены на рынке труда (1 — да)	3,177***
	Выраженность напряжения «работа-семья»	-2,408***
	Кто принимает решения о воспитании детей (1 — жена)	-2,711***
	Доход жены выше	2,122**
	<i>Ценностные переменные</i>	
	ФА: Занятость женщины — несомненный плюс	1,297***
	Религиозность	1,750**
	<i>Контрольные переменные</i>	
Уровень образования (1 — есть высшее)	1,142**	
Место проживания (1 — крупный город)	1,231**	
ПЕРЕМЕННЫЕ СТРАНОВОГО УРОВНЯ		Модель 3
	Социально-демократический режим	-0,568
	Либеральный режим	3,206*
	Консервативный режим	0,726
	Восточноевропейский режим	-2,193*
		Модель 4
	Охват детей дошкольными организациями	0,013
	Предоставление отцовского отпуска	0,090
		Модель 5
	Уровень занятости женщин	19,421*
		Модель 6
	Уровень религиозности	4,946
	Модель 7	
Выраженность традиционализма	-12,170***	
*** коэффициент значим на уровне 0,01; ** коэффициент значим на уровне 0,05; * коэффициент значим на уровне 0,1		

Индивидуальные детерминанты

Сначала рассмотрим модель 1 и соответствующие ей переменные индивидуального уровня. В частности, мы видим, что среди значимых есть переменные, отражающие характер распределения времени между семьей и работой у супругов. Более выраженное эгалитарное распределение ролей на уровне семьи способствует большей отцовской вовлеченности. Так, отцовская вовлеченность проявляется тогда, когда ниже собственная занятость мужчины на рынке труда, а жена работает и меньше участвует в семейной жизни. В то же время повышение вовлеченности женщины в домашний труд и увеличение часов занятости мужчины на рынке труда снижают его участие. Более того, значение коэффициента при переменной «выраженность напряжения «работа-семья»» отрицательное, что также указывает на ограничивающее влияние работы мужчины на отцовскую вовлеченность.

Заметим также, что для отцовской вовлеченности положительное влияние оказывает наличие детей дошкольного возраста, в то время как эффект наличия более старших детей оказывается незначим.

В целом описанные структурные переменные отражают принципы теории соотношения ресурсов и потребностей внутри семьи [Bakker, Demerouti, 2007]. В таком случае отцовская «недововлеченность» может быть объяснена тем, что реальные возможности распределения времени между сферами ограничены как занятостью на рынке труда, так и необходимостью выполнения работы по дому.

Кроме того, большей вовлеченности отцов соответствует и более высокий доход жены относительно мужа. В противоположность гендерным теориям, утверждающим, что такое распределение оказывает негативное влияние на вовлеченность мужчины, в данном случае более применимым оказывается ресурсный подход. Иными словами, можно утверждать, что речь идет о взаимодополняющем характере распределения ролей между семьей и работой в зависимости от имеющихся у супругов ресурсов [Becker, 2009; Blair, Lichter, 1991].

Нельзя исключать и роль ценностного аспекта в проявлении отцовской вовлеченности. В частности, в представленной модели значимы гендерные установки, а именно положительное отношение к женской занятости. Мужчины с более выраженными эгалитарными взглядами относительно оптимального распределения ролей также более вовлечены в заботу о детях.

Кроме того, переменная уровня религиозности (регулярного участия в богослужениях) оказалась значимой на индивидуальном уровне. Данная характеристика положительно сказывается на вовлеченности, что позволяет сделать вывод о важности различных институтов (в данном случае церкви) не только в формировании установок и основных ценностных ориентаций индивидов, но и реализации их на практике.

Ранее мы предположили, что отцовская вовлеченность может сдерживаться за счет того, что уход за детьми является неотъемлемым элементом женского гендерного дисплея, в связи с чем вторжение мужчины в данную сферу ограничивается [Брайнс, 2002; Allen, Hawkins, 1999]. И действительно, модель демонстрирует, что в семьях, где основная ответственность за принятие решений о воспитании детей ложится на плечи женщины, вовлеченность отцов оказывается значимо меньшей.

Институциональные детерминанты

Перейдем к анализу моделей с включением переменных странового уровня. Важно отметить, что набор индивидуальных переменных, рассмотренных ранее, оказывается достаточно устойчивым и практически не изменяется при включении дополнительных переменных странового уровня. Эти переменные добавлялись отдельно и поочередно⁵ к исходным индивидуальным детерминантам.

Вопреки нашему предположению о большей отцовской вовлеченности мужчин в странах социально-демократического режима лишь в государствах либерального толка можно отметить значимо большие временные затраты мужчин-отцов на уход за детьми. В то же время восточноевропейские страны характеризуются значимо более низкими показателями. Своего рода универсальная «поддерживающая политика» ограничивает вовлеченность мужчин, что, однако, может быть результатом активного вовлечения в уход за детьми и экономию временного ресурса с помощью других акторов — общественных и государственных институтов воспитания и ухода за детьми. Высокие показатели вовлеченности в странах либерального режима могут быть связаны как с ограниченным количеством альтернатив ухода — дошкольных организаций или расширенной семьи, — так и со скупостью социальной политики, которая переносит ответственность за детей на семью, что изначально ожидаемо увеличивает запрос на родительский временной ресурс.

В результате включения в анализ данной переменной было продемонстрировано, что «классика» работает: принадлежность страны к определенному режиму социальной политики (в соответствии с идеями Г. Эспинг-Андерсена) имеет значение в процессах отцовской вовлеченности. Однако использование этой классификации не позволяет прояснить, какие именно особенности режима оказывают решающее значение для исследуемого феномена. Данное обстоятельство делает обоснованным рассмотрение дополнительных показателей, отражающих отдельные характеристики институционального контекста.

Так, высокий уровень женской занятости на рынке труда становится благоприятным основанием для отцовской вовлеченности, а распространенность традиционных взглядов значимо снижает данное участие. В то же время такие меры социальной политики, как охват детей дошкольными организациями и предоставление отцовского отпуска, незначимы. Вероятно, они имеют лишь дополнительно стимулирующее/ограничивающее влияние в рамках определенных контекстов.

Несмотря на важность индивидуальной религиозности, переменная уровня религиозности в стране оказалась незначимой в данной модели. Однако нельзя полностью отрицать ее влияние на отцовское участие. В частности, возможно, она была значимой на стадии формирования государств всеобщего благосостояния [Morgan, 2009], однако теперь утратила доминирующее значение в публичной сфере.

⁵ Такой способ построения модели объясняется тем, что:

1. Переменные странового уровня во многом являются рядоположенными и даже конкурирующими. Включение эффектов взаимодействия в модель не смогло бы полностью разрешить данную методологическую сложность. Приведенные макропеременные дифференцируют свои эффекты, тем самым группируя страны по характеру зависимости. Иными словами, направление влияния меняется и переменные взаимоуничтожают друг друга. В таком случае непосредственный поиск линейной зависимости оказывается неактуальным.

2. В нашем исследовании мы попытались оценить их эффекты для вовлеченности по отдельности, для того чтобы уточнить переменные. После рассмотрения режимов социальной политики важно найти и проверить конкретные характеристики, которые задают различия между странами.

Выводы

Отцовская вовлеченность оказалась многогранным явлением, влияние на которое оказывают как индивидуальные особенности, так и страновой контекст. В целом подтвердились наши гипотезы (*H1*, *H2*) о роли соотношения ресурсов и потребностей семьи в реализации отцовской вовлеченности: меньшее количество рабочих часов у мужчины действительно повышают его вовлеченность. В то же время положительное влияние оказывает наличие в семье детей дошкольного возраста, которые значимо увеличивают «запрос» на отцовское участие. Повышение уровня дохода жены также способствует перераспределению времени в сторону мужского участия. Дальнейшая проверка гипотез относительно ценностных установок (*H3*, *H4*) показала, что положительное отношение к женской занятости, так же, как и принятие совместных решений относительно воспитания детей, повышает отцовскую вовлеченность.

На страновом уровне свое применение оправдала модифицированная типология государств всеобщего благосостояния: значимой эффект имели одновременно два режима — либеральный (вовлеченность выше) и восточноевропейский (вовлеченность ниже). Тем не менее мы опровергли гипотезу (*H5*) о более высоком уровне отцовской вовлеченности в странах социально-демократического режима, что требует дальнейших прояснений — как эмпирических, так и теоретических, о ключевых для отцовства характеристиках режимов.

Если говорить о влиянии религии, то гипотеза (*H6*) подтвердилась лишь частично. На индивидуальном уровне религиозность значимо увеличивает отцовскую вовлеченность путем трансляции просемейных ценностей, однако на уровне страны ее влияние оказалось незначимым.

При объяснении различий отцовской вовлеченности существенное значение имеют структурные детерминанты, определяющие объем времени, доступного для ухода за детьми. В этом плане «гендерные» переменные оказывают меньший эффект. При этом вполне возможно, что наличие этого времени определяется как страновыми, так и индивидуальными гендерными установками и ценностными ориентациями. Иными словами, до тех пор, пока равенство (дискурсивное и реальное) не будет достигнуто, пределы роста отцовской вовлеченности будут ограничены, поскольку на современном этапе именно мужская занятость на рынке труда рассматривается как первичная и важная для семьи.

Таким образом, сопоставление индивидуальных и страновых факторов дает основания полагать, что социализация индивидов в более выраженных эгалитарных контекстах будет приводить к изменению индивидуальных установок и последующему выравниванию ролей внутри семьи.

Список литературы (References)

- Брайнс Д. Экономическая зависимость, гендер и домашнее разделение труда // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики / ред. Е. Б. Мезенцева. М.: ИСЭПН РАН — МЦГИ — «Русская панорама», 2002. С. 328—351.
- Brines J. (2002) Economic Dependency, Gender, and the Division of Labor at Home. In: Mezentseva E. (ed.) Gender and Economics: World Experience and Expertise of Russian Practice. Moscow: ISEPN RAS. P. 328—351. (In Russ.)

Карлсон А. Л. Шведский эксперимент в демографической политике. Гуннар и Альва Мюрдали и межвоенный кризис народонаселения / пер. с англ. Б. Пинскера. М. : ИРИСЭН, 2009.

Carlson A. (2009) The Swedish Experiment in Family Politics. The Myrdals and the Interwar Population Crisis. Moscow: IRISEN. (In Russ.)

Кон И. (2006) Отцовство как компонент гендерной идентичности // Демоскоп. 2006. № 237—238. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/analit03.php> (дата обращения 07.12.2017).

Con I. (2006) Paternity as a Component of Gender Identity. *Demoscope Weekly*. No. 237—39. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/analit03.php> (accessed 07.12.2017). (In Russ.)

Липасова А. Н. Отцовство в гендерных режимах развитых стран // Женщина в российском обществе. 2016. № 2 (79). С. 34—47. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2016.2.4>.

Lipasova A. N. (2016) Fatherhood in Gender Regimes of the Developed Countries. *Woman in Russian Society*. No 2 (79). P. 34—47. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2016.2.4>. (In Russ.)

Пруцкова Е. В. Влияние религиозности на базовые ценности населения европейских стран: эффект первичной религиозной социализации // XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества : в 4 кн. Книга 3 / ред. Е. Ясин. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2014. С. 527—536. Prutskova E. V. (2014) Religiosity and basic values in European countries: the effect of primary religious socialization. In: E. Yasin. (ed.) (2014) XIV April International Academic Conference on Economic and Social Development. Vol. 3. Moscow: NRU-HSE. P. 527—536. (In Russ.)

Радаев В. В., Барсукова С. Ю. Легенда о гендере. Принципы распределения труда между супругами в современной городской семье. Мир России. 2000. 9 (4). С. 65—102.

Radaev V. V., Barsukova S. Y. (2000) The Legend of Gender. Principles of the labor distribution between the spouses in a modern urban family. *Universe of Russia*. No. 9 (4). P. 65—102. (In Russ.)

Рождественская Е. Ю. Отцовство: либеральный тренд от отца к папе? // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 75—81.

Rozhdestvenskaya E. Y. (2010) Fatherhood: a Liberal Trend from Father to Dad? *Sociological Journal*. No. 3. P. 75—81. (In Russ.)

Рощина Я., Нагерняк М. Поведение домохозяйств в сфере домашнего труда. Глава 3 // Аналитика ЛЭСИ. М. : Издательский дом Высшей школы экономики. 2013. С. 83—151.

Roshchina Y., Nagernyak M. (2013). Behavior of households in the field of domestic work. (Ch.3). In: LSES Analytics. Moscow: NRU-HSE. P. 83—151. (In Russ.)

Чернова Ж. Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания // Е. Здравомыслова, А. Темкина. Российский гендерный порядок: социологический

подход : коллективная монография. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2007. С. 138—168.

Chernova Z. (2007) The Model of «Soviet» Fatherhood: Discursive Prescriptions. In: E. Zdravomyslova, A. Temkina (Eds.) *Russian Gender Order*. Saint Petersburg: EU. P. 138—168. (In Russ.)

Alesina A, Giuliano P. (2014) Family Ties. In: Ph. Aghion, St. Durlauf (Eds.) *Handbook of Economic Growth*. North-Holland. Elsevier. P. 177—215.

Allen S. M., Hawkins A. J. (1999) Maternal gatekeeping: Mothers' beliefs and behaviors that inhibit greater father involvement in family work. *Journal of Marriage and the Family*. Vol. 61. No 1 P. 199—212. <https://doi.org/10.2307/353894>.

Ammons S. K., Edgell P. (2007) Religious Influences on Work–Family Trade-offs. *Journal of Family Issues*. No. 28 (6). P. 794—826. <https://doi.org/10.1177/0192513X07299682>.

Bakker A. B., Demerouti E. (2007) The Job Demands-Resources Model: State of the Art. *Journal of Managerial Psychology*. No. 22 (3). P. 309—328. <https://doi.org/10.1108/02683940710733115>.

Becker G. S. (2009) *A Treatise on the Family*. Cambridge, Massachusetts, London. Harvard University Press.

Blair S. L., Johnson M. P. (1992) Wives' Perceptions of the Fairness of the Division of Household Labor: The Intersection of Housework and Ideology. *Journal of Marriage & Family*. No. 54 (3). P. 570—581. <https://doi.org/10.2307/353243>.

Blair S. L., Lichter D. T. (1991) Measuring the division of household labor gender segregation of housework among American couples. *Journal of Family Issues*. No. 12 (1). P. 91—113. <https://doi.org/10.1177/019251391012001007>.

Boedeker P. (2017). Hierarchical Linear Modeling with Maximum Likelihood, Restricted Maximum Likelihood, and Fully Bayesian Estimation. *Practical Assessment, Research & Evaluation*. 22 (2). P. 1—19.

Carlson A. C. (2017) Family Matters. Presented at the More Christianity: the Touchstone 30th anniversary conference, Touchstone. P. 30—34.

Craig L., Powell A., Cortis N. (2012) Self-Employment, Work-Family Time and the Gender Division of Labour. *Work, Employment and Society*. No. 26. P. 716—734. <https://doi.org/10.1177/0950017012451642>.

Doherty W. J., Kouneski E. F., Erickson M. F. (1998) Responsible fathering: An overview and conceptual framework. *Journal of Marriage and the Family*. Vol. 60. No. 2. P. 277—292. <https://doi.org/10.2307/353848>.

Esping-Andersen G. (1990) *The three worlds of welfare capitalism*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.

Fuwa M. (2004) Macro-level Gender Inequality and the Division of Household Labor in 22 Countries. *American Sociological Review*. No. 69 (6). P. 751—767. <https://doi.org/10.1177/000312240406900601>.

- Gallagher S. K., Smith C. (1999) Symbolic Traditionalism and Pragmatic Egalitarianism. Contemporary Evangelicals, Families, and Gender. *Gender & Society*. No. 13 (2). P. 211—233. <https://doi.org/10.1177/089124399013002004>.
- Gerstel N., Gallagher S. (1994) Caring for Kith and Kin: Gender, Employment, and the Privatization of Care. *Social Problems*. No. 41 (4). P. 519—539. <http://dx.doi.org/10.1525/sp.1994.41.4.03x0270j>.
- Gregory A., Milner S. (2008) Fatherhood Regimes and Father Involvement in France and the UK. *Community, Work and Family*. No. 11 (1). P. 61—84. <http://dx.doi.org/10.1080/13668800701419391>.
- Hook J. L. (2006) Care in context: Men's Unpaid Work in 20 Countries, 1965—2003. *American Sociological Review*. No. 71 (4). P. 639—660. <https://doi.org/10.1177/000312240607100406>.
- Kaufman G., Uhlenberg P. (2000) The Influence of Parenthood on the Work Effort of Married Men and Women. *Social Forces*. No. 78 (3). P. 931—947. <http://dx.doi.org/10.2307/3005936>.
- King V. (2003) The Influence of Religion on Fathers' Relationships with Their Children. *Journal of Marriage and Family*. No. 65 (2). P. 382—395. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2003.00382.x>.
- LaRossa R. (1988) Fatherhood and Social Change. *Family Relations*. Vol. 37. No. 4. P. 451—457. <https://doi.org/10.2307/584119>.
- Lewis J. (1992) Gender and the Development of Welfare Regimes. *Journal of European Social Policy*. No 2 (3). P. 159—173. <https://doi.org/10.1177/095892879200200301>.
- McGill B.S. (2014) Navigating New Norms of Involved Fatherhood: Employment, Fathering attitudes, and Father involvement. *Journal of Family Issues*. No. 35 (8). P. 1089—1106. <https://doi.org/10.1177/0192513X14522247>.
- Morgan K. (2009) The Religious Foundations of Work-Family Policies in Western Europe. In: van Kersbergen & Manow (ed). Religion, class coalitions, and welfare states. Cambridge University Press. P. 56—90.
- Parsons T., Bales R. F. (1955) The American Family: Its Relations to Personality and to the Social Structure. In: *Family, Socialization and Interaction Process*. NY: The Free Press. P. 3—33.
- Presser H. (1994) Employment Schedules Among Dual-Earner Spouses and the Division of Household Labor by Gender. *American Sociological Review*. No 59 (3). P. 348—364.
- Reeskens T., van Oorschot W. (2013) Equity, Equality, or Need? A Study of Popular Preferences for Welfare Redistribution Principles across 24 European Countries. *Journal of European Public Policy*. No. 20 (8). P. 1174—1195. <https://doi.org/10.1080/13501763.2012.752064>.

Shelton B. A., John D. (1996) The Division of Household Labor. *Annual Review of Sociology*. No. 22. P. 299—322. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.22.1.299>.

Sullivan O., Billari F. C., Altintas E. (2014) Fathers' Changing Contributions to Child Care and Domestic Work in very Low-fertility Countries: The Effect of Education. *Journal of Family Issues*. No. 35 (8). P. 1048—1065. <https://doi.org/10.1177/0192513X14522241>.

Thébaud S. (2010) Masculinity, Bargaining, and Breadwinning Understanding Men's Housework in the Cultural Context of Paid Work. *Gender & Society*. No. 24 (3). P. 330—354. <https://doi.org/10.1177/0891243210369105>.

Woltman H., Feldstain A., MacKay J. C., Rocchi M. (2012). An Introduction to Hierarchical Linear Modeling. *Tutorials in Quantitative Methods for Psychology*. No. 8 (1). P. 52—69. <https://doi.org/10.20982/tqmp.08.1.p052>.

West C., Zimmerman D. H. (1987) Doing Gender. *Gender & Society*. No. 1 (2). P. 125—151. <https://doi.org/10.1177/0891243287001002002>.

Wilcox W. B., Chaves M., Franz D. (2004) Focused on the Family? Religious Traditions, Family Discourse, and Pastoral Practice. *Journal for the Scientific Study of Religion*. No. 43 (4). P. 491—504. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5906.2004.00251.x>.

Windebank J. (2001) Dual-earner Couples in Britain and France: Gender Divisions of Domestic Labour and Parenting Work in Different Welfare States. *Work, Employment & Society*. No. 15 (2). P. 269—290. <https://doi.org/10.1177/09500170122118959>.

Приложение 1. **Операционализация и измерение основных переменных**

Переменная	Измерение	Шкала	Обозначение
ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ			
Структурные характеристики			
Отцовская вовлеченность	Сколько в среднем часов в неделю лично Вы ухаживаете за другими членами семьи (детьми, престарелыми людьми или за больными/ инвалидами)?	Интервальная шкала	Q16b_0
Выполнение домашнего труда	Сколько в среднем часов в неделю лично Вы занимаетесь домашними делами (не считая времени, которое вы тратите на детей и свой досуг)?	Интервальная шкала	Q16a_0
Затраты жены на домашний труд	А сколько в среднем часов в неделю Ваша супруга/партнер занимается домашними делами (не считая времени, которое она тратит на детей и свой досуг)?	Интервальная шкала	Q17a
Затраты жены на уход за детьми и другими зависимыми членами семьи	А сколько в среднем часов в неделю Ваша супруга/партнер ухаживает за другими членами семьи (детьми, престарелыми людьми или за больными/ инвалидами)?	Интервальная шкала	Q17b

Переменная	Измерение	Шкала	Обозначение
Наличие и возраст детей	Кол-во детей в возрасте до 6 лет, проживающих в домохозяйстве	Интервальная шкала	<i>HHTodd</i>
	Кол-во детей в возрасте 7—18 лет, проживающих в домохозяйстве	Интервальная шкала	<i>HHChild</i>
Занятость на рынке труда	Часы в неделю, затраченные на работу на рынке труда	Интервальная шкала	<i>WorkHs</i>
Занятость жены на рынке труда	Занятость жены (1 — работает)	Дихотомическая шкала	<i>SpWorks</i>
Выраженность напряжения «семья-работа»	Как часто за последние 3 месяца с Вами случалось, что Вы: а) Приходили с работы домой настолько усталым, что не могли заниматься необходимыми домашними делами; б) Тратили на свою работу столько времени, что его не хватало для выполнения ваших семейных обязанностей. Усредненное значение по двум суждениям.	Псевдо-интервальная шкала. [0;1] 0 — ни разу 1 — несколько раз в неделю	<i>WFC</i>
Ответственность за воспитание детей	Кто обычно принимает сейчас (если дети выросли — принимал) решения, как воспитывать Ваших детей? (1 — обычно супруга)	Дихотомическая шкала	<i>Deti_wife</i>
Разница доходов	Если говорить обо всех источниках дохода — лично Ваших и Вашей супруги/партнера, кто из вас сейчас имеет больший доход?	Дихотомическая шкала	
	(1 — у жены доход выше)		
	(1 — у мужа доход выше)		
Ценностные ориентации			
Отношение к детям	Выраженность значений фактора: «Дети — это ограничение»	Интервальная шкала	<i>Deti_1</i>
	«Дети — это благо»		<i>Deti_2</i>
Отношение к женской занятости	По результатам факторного анализа: «Позитивная оценка и эгалитаризм взглядов»	Интервальная шкала	<i>F_lab_1</i>
	«Настороженное отношение»		<i>F_lab_2</i>
Отношение к допустимости развода	Обычно если супруги не могут решить свои семейные проблемы, развод является лучшим выходом (1 — (совершенно) согласен)	Дихотомическая шкала	<i>Razvod</i>
Религиозность	Посещаете ли Вы религиозные службы, и если да, то как часто? (1—2 или 3 раза в месяц и чаще)	Дихотомическая шкала	<i>Attend_3</i>
Контрольные переменные			
Возраст	Кол-во полных лет респондента на момент опроса	Интервальная шкала	<i>Age</i>
Возраст ²	Квадрат возраста респондента контроль нелинейности влияния		<i>Age2</i>

Переменная	Измерение	Шкала	Обозначение
Уровень образования	1 — наличие высшего образования	Дихотомическая шкала	<i>Degr_High</i>
Уровень дохода	1 — низкий доход	Дихотомическая шкала	<i>Inc_1</i>
	1 — высокий доход		<i>Inc_3</i>
Место проживания	1 — проживание в крупном городе	Дихотомическая шкала	<i>Big_city</i>
Статус брака	1 — брак официально зарегистрирован	Дихотомическая шкала	<i>Married</i>
Занятость матери респондента	<i>Работала ли Ваша мать на оплачиваемой работе хотя бы в течение года с момента вашего рождения и до тех пор, когда вам исполнилось 14 лет? (1 — да, работала)</i>	Дихотомическая шкала	<i>MotherWork</i>
СТРАНОВОЙ УРОВЕНЬ*			
Режим социальной политики	Режимы социальной политики, выделенные с опорой на классификацию Г. Эспинг-Андерсена	Дихотомическая шкала	
	1 — социально-демократический		<i>SP_socdem</i>
	1 — либеральный		<i>SP_liberal</i>
	1 — консервативный		<i>SP_conserv</i>
	1 — восточноевропейский		<i>SP_CEE</i>
Охват детей дошкольными организациями	Данные OECD, усредненные значения по% охвата для групп детей (0—2 года) и (3—5 лет). Для России — общий показатель (1—6 лет), Госкомстат**	Доля, интервальная шкала	<i>Childcare</i>
Наличие оплачиваемого отцовского отпуска по уходу за ребенком	Данные Международной организации труда, наличие обязательного, законодательно закрепленного оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком для мужчин*** (1 — отпуск есть)	Дихотомическая шкала	<i>Leave_Pat</i>
Уровень участия женщин в сфере труда	Данные Всемирного Банка об экономической активности женщин****	Доля, интервальная шкала	<i>Fem_lab</i>
Уровень религиозности в стране	Доля населения в стране, посещающего богослужения 2—3 раза в месяц и чаще (усредненное значение по полной базе ISSP-2012)	Доля, интервальная шкала	<i>Religiosity</i>
Традиционализм взглядов в стране	Доля (полностью) согласившихся с суждением «Дело мужа — зарабатывать деньги, а дело жены — вести домашнее хозяйство и заниматься семьей» (усредненное значение по полной базе ISSP-2012)	Доля, интервальная шкала	<i>Trad_country</i>

* Поскольку по некоторым показателям замеры проводятся не каждый год, мы пытались использовать данные либо соответствующие 2012 г., либо ближайшего доступного года.

** Для России — www.gks.ru, для остальных стран — OECD Family Database. URL: <http://www.oecd.org/els/family/database.htm>.

*** International Labor Organization, Working Conditions Laws Database — Maternity Protection. URL: <http://www.ilo.org/travdatabase>.

**** Показатели взяты из статистической базы Всемирного Банка. URL: <http://data.worldbank.org>.

Приложение 2. **Классификация стран в соответствии с режимом социальной политики**

Типы социальной политики государств благосостояния: СД — социально-демократический; К — консервативный; Л — либеральный; Ф — фамилистский; ВЕ — восточноевропейский		
1	Австрия	К
2	Бельгия	К
3	Болгария	ВЕ
4	Канада	Л
5	Хорватия	ВЕ
6	Чехия	ВЕ
7	Дания	СД
8	Финляндия	СД
9	Франция	К
10	Германия	К
11	Венгрия	ВЕ
12	Исландия	СД
13	Ирландия	Л
14	Израиль	Ф
15	Латвия	ВЕ
16	Литва	ВЕ
17	Нидерланды	СД
18	Норвегия	СД
19	Польша	ВЕ
20	Россия	ВЕ
21	Словакия	ВЕ
22	Словения	ВЕ
23	Швеция	СД
24	Швейцария	К
25	Великобритания	Л
26	США	Л

Приложение 3. **Отцовская вовлеченность в разрезе стран: дисперсионный анализ**

ANOVA	Отцовская вовлеченность				
	Сумма квадратов	df	Квадрат среднего	F	Знч
Межгрупповая	53088,2	25	2123,5	9,468	<0,001
Внутригрупповая	699564,9	3119	224,3		
Всего:	752653,1	3144			
Робастные тесты равенства средних					
	Статистика	df1	df2	Знч	
Вельш	8,863	25	1034,4	<0,001	
Браун-Форсайт	9,142	25	2055,0	<0,001	
а Асимптотичное F-распределение					

Приложение 4. Показатели качества регрессионной модели

		Индивидуальная	Режим социальной политики	Меры социальной поддержки	уровень занятости женщин	Выраженность традиционализма	Уровень религиозности
	Модель 0	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5	Модель 6
ICC	0,07	0,04	0,01	0,05	0,035	0,01	0,04
R^2_1	—	0,51	0,53	0,51	0,52	0,53	0,51
R^2_2	—	—	0,85	0,69	0,76	0,91	0,73
Deviance	26006	18290	18266	18292	18278	18264	18282
Deviance reduction (%)	—	29,7%	29,8%	29,7%	29,7%	29,8%	29,7
Межгрупповая вариация	17,47	4,77	2,65	5,39	4,20	1,54	4,78
Внутригрупповая вариация	224,31	112,81	112,77	112,79	112,81	112,78	112,80